

Любовник
леди Чаттерли

Дэвид Г.
Лоуренс

Дэвид Г. Лоуренс

Любовник
леди Чаттерли

ISBN серии

ISBN 978-617-12-4211-1

9 786171 242111

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4682-9

9 786171 246829

ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ
КЛАССИКИ

ДЭВИД Г. ЛОУРЕНС

ЛЮБОВНИК ЛЕДИ ЧАТТЕРЛИ

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Л81

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:
Лоуренс Д. Г. Любовник леди Чаттерли / Д. Г. Лоуроенс ;
пер. с англ. И. Багрова, М. Литвиновой. — Санкт-Петербург :
Азбука, 2000.

Перевод с английского *И. Багрова, М. Литвиновой*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

В оформлении обложки использован фрагмент картины
О. Ренуара «В саду», 1885

ISBN 978-617-12-4211-1 (серия)
ISBN 978-617-12-4682-9

- © Багров И., Литвинова М., перевод на русский язык, 2018
- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

ГЛАВА 1

В столь горькое время выпало нам жить, что мы тщимся не замечать эту горечь. Приходит беда, рушит нашу жизнь, а мы сразу же прямо на руинах наново торим тропки к надежде. Тяжкий это труд. Впереди — рытвины да преграды. Мы их либо обходим, либо с грехом пополам берем приступом. Но какие бы невзгоды ни обрушивались, жизнь идет своим чередом.

Так примерно рассуждала Констанция Чаттерли. Война в пух и прах разбила ее благополучие. Что ж, дорого приходится платить за уроки житейской мудрости.

Констанция вышла замуж за Клиффорда Чаттерли в 1917 году, — его в ту пору отпустили из армии домой на побывку. Промелькнул медовый месяц, и Клиффорд уехал обратно во Фландрию. А через полгода его, израненного, едва живого, привезли домой. Констанции исполнилось двадцать три года, Клиффорду — двадцать девять.

Он отчаянно боролся со смертью, явив завидную волю, и мало-помалу шел на поправку. Два года колдовали над ним врачи и вернули его к жизни, прописав, правда, разные снадобья. Но ниже пояса тело Клиффорда так и осталось недвижимым.

Шел 1920 год. Клиффорд и Констанция обосновались в родовом гнезде Чаттерли — усадьбе Рагби. Старый баронет уже умер, сын унаследовал титул, его стали величать «сэр Клиффорд», а Констанцию — «леди Чаттерли». Семейную жизнь им пришлось начинать в довольно запустелом

доме на довольно скромные средства. Из близкой родни у Клиффорда осталась лишь старшая сестра, да и та жила отдельно. Старший брат погиб на войне. Клиффорд знал, что детей у него не будет и что род Чаттерли просуществует до той поры, покуда жив он сам и его усадьба в закопченном и задымленном сердце Англии.

Увечье не столь удручало его. Передвигаться он мог на кресле-каталке и заказал себе кресло на колесах, с моторчиком. Неспешно объезжал он сад и чудесный печальный парк. Втайне Клиффорд гордился им, на людях же упоминал с небрежением.

Клиффорд так настрадался, что почти избыл самую способность страдать. По-прежнему держался чуть сдержанно, по-прежнему в голубых дерзких глазах светился ум, по-прежнему на румянном лице играла бодрая, если не сказать веселая, улыбка, по-прежнему широки плечи и крепки руки. Одежду он носил самую дорогую, галстуки — самые красивые и модные. И все же читалась в лице настороженность, а во взгляде порой сквозила и отрешенность, присутствующая калекам.

Заглянув в лицо смерти, он теперь принимал жизнь (точнее, то, что ему осталось) как бесценный и чудесный дар. Да, он выстоял, вынес все тяготы и гордился собою — это сквозило во взгляде умных беспокойных глаз. Но слишком тяжел был удар — что-то надломилось у него в душе, какие-то чувства безвозвратно исчезли. Опустошенность и безразличие легли на сердце.

У его жены Констанции были мягкие каштановые волосы, румяное простодушное, как у деревенской девушки, лицо, крепкое тело. Движения обманчиво плавны и неспешны — не угадать недюжинной внутренней силы. Большие, будто вечно вопрошающие глаза, тихий, мягкий говорок — ни дать ни взять только что из соседней деревушки

заявилась. Но внешность обманчива. Ее отец — некогда известный художник, почтенный сэр Малькольм Рид. Мать — женщина образованная, сторонница фабианства в политике¹, взращенная на традициях Возрождения в искусстве, столь пышно расцветших в середине прошлого века². В кругу художников и просвещенных социалистов Констанция и ее сестра Хильда воспитывались, можно сказать, в современной эстетической атмосфере, без мешанских условностей и предрассудков. Девочек возили в Париж, Флоренцию, Рим — насытиться подлинным искусством; в Гаагу и Берлин — на съезды социалистов; на каких только языках там не произносились речи! Но это отнюдь не смущало присутствующих.

Итак, сызмальства окунувшись в сферы высокого искусства и теории справедливого жизнеустройства, девочки ничуть не тушевались, чувствовали себя в родной стихии. Столичный лоск в них прекрасно уживался с ограниченностью провинциалок. И как хорошо сочеталось их простодушное суждение о мировом искусстве с высокими идеалами справедливого общества!

Лет пятнадцати их послали в Дрезден. Там, помимо всего прочего, им предстояло приобщиться к миру музыки.

¹ *Фабианство* — движение в общественной жизни Великобритании, пропагандировавшее реформистский путь к социализму; получило свое название в результате основания в 1884 году Фабианского общества, обязанного своим именем римскому полководцу Фабию Максиму Кунктатору (Медлительному); в разное время к идеологии фабианства склонялись такие представители английской культуры, как Джордж Бернард Шоу (1856—1950), Оскар Уайльд (1844—1900), Бертран Рассел (1872—1970). (Здесь и далее — прим. сост.)

² Имеется в виду группа «Прерафаэлитское братство» — направление в английской поэзии и живописи во второй половине XIX века, образовавшееся в начале 1850-х годов. Название «прерафаэлиты» должно было обозначать духовное родство с флорентийскими художниками эпохи раннего Возрождения.

Время они провели замечательно. Жили в студенческой среде. Жарко спорили с юношами о философии, общественной жизни, искусстве и ни в чем не уступали сильно-му полу, пожалуй, даже превосходили: как-никак они женщины! Ходили в походы по лесам, и у ладных их спутников непременно оказывались гитары. Сколько песен они перепели, наслаждаясь свободой. Свобода! Какое великое слово! Перед ними распахнут весь мир, их привечают предрасветные леса, рядом — здоровые молодые парни. Делай что хочешь, говори (это еще важнее!) что хочешь! Ведь разговоры, страстные споры, обмен мнениями — главное! А любовь — нечто второстепенное.

К восемнадцати годам и Хильда, и Констанция уже познали мужчин. Конечно же, их спутники, с которыми они так неистово спорили, так ладно пели, ночевали под раскидистыми деревьями, добивались близости с девушками. И те, поколебавшись, уступили. Ведь о половой жизни столько говорят. Значит, это и впрямь нечто важное. Да и мальчишки ведут себя достойно, сдерживая страсть. Так почему же девушке не проявить воистину царскую щедрость и не одарить поклонника своим телом?

И девушки одарили, выбрав наиболее остроумных и задушевных собеседников. Ведь самое приятное, самое главное — в беседах. А в постели — жалкое подобие приятного, пожалуй даже разочарование. И девушки сначала охладели к приятелям, потом появилась неприязнь: будто парни посягнули на нечто сокровенное, на внутреннюю девичью свободу. Ибо в чем суть и смысл девичества, в чем его достоинство? Достичь полной, безоговорочной, беспорочной и благородной свободы! В чем еще смысл девичьей жизни? Решительно избавиться от стародавних постыдных оков.

И как бы ни приукрашивали все прелести половой жизни, именно они суть древнейшие оковы, орудия постыднейшего

рабства. И воспевали их в основном поэты-мужчины. Женщины-то исстари понимали, что есть на свете ценности поважнее, поблагороднее. И наш век не раз это подтвердил. Свобода, чистая, прекрасная свобода несравнимо выше и чудесней любви плотской. Только вот беда: не доросли еще мужчины «прекрасного пола, не открыли для себя истины. Настоящие кобели — им бы только плоть свою потешить.

И приходится женщине уступать. Но мужчина, что дитя малое, меры не знает. И приходится женщине его улаживать. Не дай бог, разобидится милый и упорхнет, порушится приятное знакомство. Но женщина научилась уступать мужчине, не жертвуя и толикой своей внутренней свободы. Этого-то и недоглядели поэты и говоруны-сладолюбивые. Женщина может овладеть мужчиной и не подпасть в свою очередь под его власть. А овладеть им ей поможет плоть. Главное — поначалу чуть сдерживаться в постели, пусть мужчина утолит жажду. А когда он получит свое, время и женщине подумать об удовольствии — мужчина далее лишь игрушка в ее руках!

Едва сестры вкусили от плотских радостей, как грянула война и их спешно отправили домой. Истинной любви девушки так и не познали, для этого потребовалось бы очень близко сойтись со спутниками в разговоре. Точнее, лишь в беседе мог гнездиться как глубокий интерес, так и большое чувство. Сколько удивительного, упоительного трепета (кто бы мог подумать!) таилось в жарких, бесконечных — днями напролет — спорах с тем или иным по-настоящему умным парнем. И день бежал за днем, месяц проплывал за месяцем. Непередаваемое, неземное блаженство! Добавив к прародительскому завету «И да прилепится жена к мужу» концовку — дабы беседовать с ним», девушки хотя и не произнесли его вслух, даже толком не осмыслили, тем не менее жили строго по нему.

И уж коль скоро пылкие, предельно доверительные и душепросветительные беседы разбудили плоть, что ж, пусть все идет своим чередом. Заполнится, так сказать, еще одна страничка жизни. И в ней есть своя прелесть. Ни с чем не сравнить волнами накатывающий трепет. И вот — девятый вал — извержение! Точно восклицательный знак в конце фразы! Знак исполненности и законченности. Или череда звездочек в конце главы, знаменующая завершение эпизода.

Летом 1913 года, когда девушки (Хильда — двадцати, а Конни — восемнадцати лет) вернулись на каникулы домой, отец сразу смекнул, что дочери уже poznали мужчин. Но сам человек, как говорится, бывалый, он решил не вмешиваться в течение их жизни. Мать, доживавшая свой век в сильном нервном расстройстве, пеклась лишь об одном: чтоб они были «свободны», чтоб их личности «полностью раскрылись». Самой бедняжке жизнь в этом отказала, «раскрыться» ей так и не удалось. Почему — ведомо лишь Господу, ведь она жила в достатке и независимо. Винула она во всем мужа. И напрасно: сызмальства в ее сердце и уме запечатлелся образ мужчины-повелителя, и избавиться от него так и не удалось. И сэр Малькольм ни при чем. Он предоставил своей неуравновешенной, вечно недовольной, враждебно настроенной супруге распоряжаться ее собственной судьбой, выгородив ее из своей жизни.

Дочери и впрямь были «свободны», а потому вернулись вскорости в Дрезден, к музыке, университетским премудростям и приятелям. Каждая по-своему любила «своего» парня, и те тоже любили их со всей пылкостью, коренившейся не в сердце, а в уме. Все самые прекрасные мысли, слова подарили они своим возлюбленным. Приятель Конни занимался музыкой, приятель Хильды — точными науками. Но главное занятие в жизни — любимые девушки. То бишь в жизни внутренней, в сфере мыслей и чувств.

В жизни обыденной у них бывали и неудачи, и разочарования, но юноши их не замечали.

И у юношей можно заметить, как любовь поражает не только их дух, но и плоть. Интересно, как неброско, но очевидно меняется обличье и мужчин, и женщин. Женщина расцветает, теряет девичью угловатость: бедра, груди обретают округлость. Взгляд либо взволнован, либо торжествующе-уверен. Мужчина делается спокойнее, чуть замыкается, не так гордо размахнуты плечи, подобраны годицы. Появляется раздумчивость и неуверенность.

Поначалу, столкнувшись с незнакомой мужской силой, которая ввергла их плоть в трепет и смятение, сестры едва не подчинились ей. Но вовремя возобладал разум: да, ласки приятны, но не более. В кабалу за них идти нельзя. У мужчин по-другому: в благодарность женщинам за минуты любви они готовы всю душу отдать. Хотя потом сами же в затылках чешут — эх, потеряли золотой, а нашли медяк. Приятель Конни становился все мрачнее, а приятель Хильды — язвительнее. Такой вот народ эти мужчины. Неблагодарные и ненасытные! Отказываешь им — они сердятся, потакаешь — пуще прежнего злобятся, повод всегда найдется. А то и вовсе без повода, просто капризничают, как дети, которых — старайся не старайся — женщине не убажить.

Грянула война. Хильда и Конни поспешили домой, где были совсем недавно — хоронили мать. А к Рождеству 1914 года погибли и их друзья-немцы. Сестры всплакнули, любовь полыхнула в душе ярким огоньком и подернулась пеплом забвения. Этих молодых людей не вернешь.

Сестры поселились в отцовском доме в Кенсингтоне (по сути — доме их матери). Теперь их окружали студенты Кембриджа, они тоже отстаивали свою «свободу»: носили тонкие шерстяные костюмы, рубашки с отложными воротничками, кичились чистокровной анархией чувств, говорили

вкрадчивым, журчащим шепотком, в поведении выказывали нарочитую впечатлительность и ранимость.

Хильда неожиданно вышла замуж; ее избранник был на десять лет старше, из той же кембриджской группы, немалого достатка, с нехлопотным чиновничьим местом, которое досталось ему по наследству. Он также писал философские трактаты. Она переехала к нему в тесноватый домик в Вестминстере. Круг знакомых теперь составляли чиновники, хоть и не самого высокого ранга, зато несомненно самые толковые на сегодняшний (или на завтрашний) день в стране. Такие люди не пустословят, а если уж говорят, то умно и веско.

Конни участвовала в благотворительной работе в помощь фронту, однако не особенно усердствовала; проводила много времени в обществе своих кембриджских друзей, щеголявших не только модными брюками, но и непримиримыми взглядами. Эти молодые люди по-прежнему подсмеивались над всем и вся. Особенно она сблизилась с Клиффордом Чаттерли. Было ему двадцать два года, и он только что приехал из Бонна, где изучал технологию угольной добычи. А до этого два года проучился в Кембридже. Теперь, облачившись в лейтенантскую форму, он с большим форсом осмеивал все на свете. Принадлежал он несомненно к кругам высшим, нежели Конни. Та — из зажиточной интеллигентской среды, Клиффорд — из аристократии. Не ахти какой знатной, но все же. Отец его носил титул баронета, мать — графская дочь.

Клиффорд, хоть и получил лучшее, чем Конни, воспитание, хоть и вращался в свете, уступал ей в широте кругозора и напористости. В узком кругу помещиков-аристократов, «сливок общества» он чувствовал себя как рыба в воде, но с низшими сословиями — ордами простолюдинов — и иноземцами он терялся, робел. Да, если уж говорить

начистоту, «низы» пугали его. Он чувствовал свою беззащитность, оттого бывал скован, хотя лучшей защитой ему служило положение в обществе. Увы, в наши дни, как ни странно, это козырь немалый.

Может, именно поэтому тихая, спокойная, но неизменная твердость духа привлекала его в Констанции Рид. В мире, где царит хаос, она чувствовала себя много увереннее, чем Клифффорд.

Нет, он отнюдь не мирился со всем, он восставал, восставал даже против аристократов. Впрочем, «восставал», пожалуй, сильно сказано. Слишком сильно. Просто в ту пору его подхватила волна всеобщего среди молодежи протеста против условностей, против любой власти. Как нелепо и смешно старшее поколение! А его собственный отец — вдвойне! Как нелепы и смешны чиновники! А наши трусливые и ленивые бюрократы — вдвойне! Как нелепы армии, смешны тупоголовые генералы! А красномордый Китченер¹ — вдвойне! А до чего ж нелепа война, смешного, правда, в ней мало: гибнут тысячи и тысячи людей.

Если приглядеться — все в жизни нелепо и смешно, прямо обхохочешься; а там, где попахивает властью, — и подавно, будь то армия, правительство или университет. А глядя, как правящий класс изо всех сил пыжится, воображая, что правит, разве удержишься от смеха?

Как смешон сэръ Джефри: он рубил деревья на крепеж для окопов, увольнял шахтеров, поставляя солдат для фронта. И так, не рискуя волоском с головы, являл пример патриотизма, правда очень накладного — он в конце концов едва не обанкротился.

¹ *Китченер, Горацій Герберт* (1850—1916) — английский военачальник, поучивший печальную известность своей жестокостью во время завоевательной акции в Судане (1896), а также англо-бурской войны.

Из центра страны в Лондон приехала его старшая дочь Эмма — она решила поработать сестрой милосердия. К отцовскому ура-патриотизму она отнеслась со спокойной улыбкой. Зато старший сын (и наследник) Герберт смеялся отцу в лицо, хотя именно в его парке вырубались деревья. Клиффорд тоже усмеялся. Но чуть смущенно. Верно, все в жизни нелепо. Но когда нелепости вырастают в твою жизнь, и сам становишься нелепым... Люди из других сословий, например Конни, жили без притворства. Они по крайней мере во что-то верили.

Они непритворно жалели английских солдат, боялись призыва в армию, сетовали на нехватку сахара и конфет детишкам. Ведь во всем этом — смейся не смейся — виноваты власти предержавшие. Клиффорд всерьез об этой связи не задумывался. По его разумению, власть изначально нелепа и смешна, ни солдаты, ни конфеты тут ни при чем.

Меж тем правительственные чиновники, чувствуя свою нелепость и смехотворность, соответственно и поступали, и некоторое время страна жила словно в сумасшедшем доме. Пока не поменялось к лучшему положение на фронтах, пока Ллойд Джордж не пришел к власти и не спас-таки положение. Приумолкли юные острословы, неуместны стали их насмешки.

В 1916 году погиб Герберт Чаттерли, и наследником стал Клиффорд. Даже такая маленькая ответственность напугала его. С рождения его почитали как сына сэра Джеффри, дворянского отпрыска, и участи своей ему не избежать. Знал он и то, что на бескрайнем и таком беспокойном белом свете всякие титулы и привилегии видятся кому желанными, а кому и смешными. И вот теперь он наследник и отвечает за судьбу родового гнезда. Как не испугаться?! Но в то же время он упивался своим барством. Может, это глупое тщеславие?

Для сэра Джеффри, разумеется, самая мысль о тщеславии показалась бы кощунственной. Он ходил бледный, деланно спокойный, погруженный в собственные замыслы: во что бы то ни стало спасти свою родину и свое положение — при правительстве Ллойд Джорджа¹ или при каком ином — не важно. Он так плохо представлял себе истинную Англию, так был оторван от сиюминутных ее забот, что держался доброго мнения даже о политиканах-прохвостах. Сэр Джеффри верил в Англию и Ллойд Джорджа, как его предки издревле верили в Англию и святого Георгия. Чаттерли-старший этой маленькой разницы так и не заметил. Он знай себе валил лес на своих угодьях и свято верил в Ллойд Джорджа и Англию, в Англию и... Ллойд Джорджа.

Он очень хотел, чтобы Клиффорд женился и произвел наследника. Прямо средневековье какое-то, думал Клиффорд. Впрочем, далеко ли он ушел сам, разве что в язвительных насмешках над нелепой жизнью и над собственным смехотворным положением. Хочешь не хочешь, а пришлось ему, сдерживая глумливый смех, смириться: принимать ему и титул баронета, и родовую усадьбу Рагби.

Война в два счета покончила с беспечным весельем мирных дней. Кругом смерть, кровь... Мужчине хотелось уюта, поддержки. Мужчине хотелось в тихую гавань, где можно бросить якорь. Мужчине хотелось жениться.

Странное дело: несмотря на многочисленные знакомства, младшие Чаттерли (Герберт, Клиффорд и Эмма) жили в Рагби весьма обособленно, довольствуясь обществом друг друга. Семейные узы крепили: все трое чувствовали свою обособленность, шаткость своего положения среди

¹ *Ллойд Джордж, Дэвид* (1863—1945) — лидер Либеральной партии, премьер-министр Великобритании в 1916—1922 годах.

людей (титул и земли скорее способствовали тому, нежели защищали). Жили они вроде бы и в самом промышленном сердце Англии, однако пульс их жизни был совсем иной. Жили они вроде бы среди таких же помещиков, как и отец, однако из-за домоседства, замкнутости и упрямства они так и не сблизились с соседями. Дети, хотя и нежно любили отца, частенько подсмеивались над его тяжелым нравом. Они поставили прожить всю жизнь неразлучной троицей. Но вот погиб Герберт, и сэр Джефри все надежды связал с женитьбой младшего сына. Нет, разговора об этом старик не заводил, он вообще был скуп на слова. Но его задумчивый взгляд, тяжелые, неспешные шаги, исполненное смысла молчание нудили Клиффорда пуще всяких попреков.

Его браку, впрочем, решительно воспротивилась Эмма. Была она десятью годами старше и считала: женится Клиффорд — значит, предаст и опорочит некогда изъясвленную волю троих юных Чаттерли.

Все же Клиффорд женился на Конни и успел провести с ней медовый месяц. Страшный 1917 год сблизил их — так вмиг сближаются пассажиры на палубе тонущего корабля. До женитьбы Клиффорд не спал с женщинами, а плотские утехы значили для него очень и очень мало. А душевная близость с женой не нарушила его девства. Конни даже обрадовалась: вот истинная любовь, выше всяких там сексуальных отношений, выше «удовлетворения страсти». Клиффорд, собственно, и не домогался никакого удовлетворения, не в пример многим и многим мужчинам. Его близость с Конни глубже, интимнее близости половой, которая суть далеко не обязательное, второстепенное. Так, допотопная и смехотворно нелепая биологическая реакция, назойливо заявляющая о себе, а меж тем надобность в ней давно отпала. А Конни мечтала о ребенке. Хотя бы для того, чтобы утвердиться перед золовкой.

Но в начале 1918 года Клиффорда привезли домой, что называется, еле-еле душа в теле. Детей ждать не приходилось. Сэр Джеффри не вынес горя и умер.

ГЛАВА 2

Осенью 1920 года Конни и Клиффорд вернулись в Рагби. Сестра Клиффорда так и не простила ему «предательства» и поселилась в Лондоне, в маленькой квартирке.

Усадьба Рагби — старый приземистый и долгий дом, сложенный из песчаника, — стояла давно, с середины восемнадцатого века. С той поры к дому все лепились и лепились бесчисленные пристройки, и теперь он являл собою скорее муравейник, нежели дворянское гнездо. Стояла усадьба на всхолмлении посреди дубравы, но прямо за ней, увы, дымила и чадила огромная труба, — там уже главенствовала шахта Тивершолл, а у подножья холма, прямо от усадебных ворот начиналась деревня — тоже Тивершолл, — тонувшая в сыром мареве. Собственно деревушку составляли унылые и безобразные домишки, разбросанные там и сям на добрую милю. Тесные, убогие, прокопченные дома из кирпича, покрытые почерневшим шифером. Фасады их напоминали искаженные безысходной злобой лица.

Конни была более привычна к другой Англии: к Кенсингтону, к горам Шотландии, к долинам Сассекса. Но и чудовищно бездушное уродство шахтерского «сердца Англии» приняла с присущими всем молодым твердостью и решимостью. Приняла сразу. Взглянула и решила, точно отрезала: и лучше об этом и не думать, хотя такое и в страшном сне не приснится. Из тоскливых усадебных покоев ей было слышно, как лязгают огромные сита на сортировке, как тяжело вздыхает и отдувается подъемник, как громяхают

вагонетки, как хрипло в изнеможении гудят шахтовые паровозы. Огонь уже долгие годы пожирал устье шахты «Тивершолл», но погасить его — накладно. Так и горел огромный факел денно и ночью.

А подует ветер в сторону дома (что не редкость), и усадьба наполнялась удушливой серной вонью испражнений Земли. Да и в безветренный день тянет чем-то подземным: серой, железом, углем и еще чем-то кислым. Даже розы, выращенные к Рождеству, каждый раз покрываются копотью, как черной манной с небес в Судный день. Глазам своим не поверишь.

Увы, это так: здешний край обречен! Конечно, это ужасно, но стоит ли вставать на дыбы? Жизнь идет своим чередом, ее не остановишь. На низких полночных тучах загорались красные точки, играли огненные блики, то надувались пузырями, то лопались, как волдыри после ожога, оставляя непреходящую боль. То были шахтные печи. Поначалу они завораживали и пугали Конни, ей казалось, что она живет в преисподней. Но обвыклась. Почти каждое утро встречало ее нудным дождем.

Клиффорд же во всеуслышанье заявлял, что Рагби ему больше по душе, нежели Лондон. В этом краю таилась своя угрюмая сила, жили крепкие, с характером люди. А что еще, кроме характера, есть у этих людей, думала Конни. Ничего. Пустые глаза, пустые головы. Люди под стать своей земле: изможденные, мрачные, безобразные, недружелюбные. А еще таилась страшная неразгаданность и в гортанном их говоре, и в шарканье тяжелых башмаков с подковками, когда тянулись по асфальтовой дороге с работы группы шахтеров.

Ни торжественной встречи, ни праздника по случаю возвращения молодого хозяина селяне не устроили. Никто не пришел приветить его, не принес цветов. И пришлось

уныло трястись в машине под дождем по мокрой, темной, обсаженной угрюмыми деревцами аллее; на холме, где начинался парк, паслись овцы; чуть выше раскинулась мрачная усадьба. У подъезда, как загостившиеся и в доме и на земле постояльцы, робко переминались с ноги на ногу экономка и ее супруг, готовясь произнести кургузое приветствие.

Обитатели усадьбы и деревни не общались — решительно и бесповоротно. Встречая господ, мужчины не снимали шапок, женщины не приседали в полупоклоне. Шахтеры лишь глазели на хозяев; торговцы кивали Клиффорду, как знакомцу (хоть и смущались при этом), и чуть приподнимали шапки, здороваясь с Конни. Вот и все почести. Непреодолимая пропасть пролегла между господами и простолюдинами. А еще их разделяло скрытое презрение друг к другу. Первые дни Конни очень страдала от этого чувства, изморосью висевшего в деревенском воздухе. Потом закалила сердце и даже гордилась своей твердостью. Нельзя сказать, что их с Клиффордом ненавидели. Просто Конни и Клиффорд — существа иного порядка, нежели шахтеры. И пропасть меж теми и другими бездонна, они невысказанно далеки друг от друга, как, скажем, далека река Трент (хотя отнюдь не бездонна). Здесь же, среди заводов и шахт Центральной и Северной Англии, меж хозяевами и рабочими никакого мостика не перекинуть, общения не завязать. Мы на своем краю, вы — на своем! Странно: ведь и у тех, и у других бьются в груди одинаковые сердца!

Впрочем, в деревне даже жалели молодоженов, но лишь отвлеченно. А в делах житейских — не тронь! — и та, и другая сторона замыкались.

Местный священник — милый старичок лет шестидесяти, истый ревнитель веры — напрочь потерял особинку, подчинившись деревенской заповеди. Шахтерские жены

почти все принадлежали к методистской церкви¹. Сами шахтеры — ни к какой. Но даже простое облачение отгораживало священника от шахтеров, те совершенно не принимали служителя культа как простого, обыкновенного человека. Для них он оставался «господином Эшби», этакой произносящей молитвы и проповеди машиной.

Поначалу Конни и удивлялась и недоумевала, натываясь на произвольно упрямую спесь местных: дескать, хоть вы и леди, мы тоже не лыком шиты. А чего стоит недоверчивая, насквозь лицемерная улыбчивость шахтерских жен в ответ на попытки Конни найти с ними общий язык. Как странно! И как обидно! Всякий раз слышишь насмешливые шепотки: «Эка! Надо ж, сама леди Чаттерли меня словом удостоила! Только пусть нос не задирает, не воображает, что я — грязь у нее под ногами». Невыносимо! И не избавиться от этого. Местные на сближение не пойдут, нечего и надеяться!

Клиффорд уже махнул на них рукой, пришлось и Конни менять отношение. Она шла по улице, ни на кого не глядя, хотя на нее глазели, как на заводную куклу. Случись Клиффорду с кем заговорить, он держался надменно, даже презрительно. Искать с ними дружбы далее — непозволительная роскошь. Дело еще и в том, что Клиффорд привечал и уважал людей лишь своего круга. И в этом он был непоколебим, никаких уступок и компромиссов! Среди шахтеров он не снискал ни любви, ни ненависти. Они принимали его как неотъемлемую часть бытия: как шахты или как усадьбу Рагби.

¹ *Методистская церковь* — протестантская церковь, главным образом в Великобритании. Возникла в XVIII веке, отделившись от англиканской церкви, требуя последовательного, методического соблюдения религиозных предписаний. Методисты проповедуют религиозное терпение.

В душе Клиффорд отчаянно робел и страдал, сознавая свою увечность. Он не хотел никого видеть, кроме домашней прислуги. Ведь ему приходилось либо сидеть в кресле, либо передвигаться тоже в кресле, но с моторчиком. Однако одевался он по-прежнему изысканно: шил платье у лучших портных, носил элегантные галстуки — все как прежде, и, если поглядеть со стороны, он выглядел по-прежнему красавцем щеголем. Причем в нем не было слащавой женственности, столь присущей нынешним юношам. Напротив, широкие, как у крестьянина, плечи, румяное лицо. Но нет-нет да и проглядывала его суть: в тихой, неуверенной речи; во взгляде — смелом и в то же время боязливым, уверенном и нерешительном. И вел он себя то до обидного надменно, то скромно, даже тушуясь, а случалось, и вовсе робел.

Конни и Клиффорд были привязаны друг к другу, но, как заведено у современной молодежи, без каких-либо сантиментов. Игривым, ласковым котенком Клиффорду уже не стать — слишком великое потрясение выпало ему, слишком глубоко засела боль. Увечный. И Конни льнула к нему всей своей сострадающей душой.

Конечно же, она замечала, что муж почти отгородился от людей. Шахтеры, по сути, крепостные. И видел он в них скорее орудия труда, нежели живых людей; они составляли для него часть шахты, но, увы, не часть жизни; относился он к ним как к быдлу, но не как к равным. А в чем-то даже боялся их: страшно вообразить, как они будут глазеть на него теперешнего, на калеку. А их грубый, малопонятный уклад представлялся ему скорее звериным, нежели человеческим.

Наблюдал он этих существ отстраненно, будто букашек в микроскоп или неведомые миры в телескоп. Сблизиться с ними и не пытался, как, впрочем, и ни с кем, разве что с обитателями усадьбы (давно ему привычными) да с сестрой Эммой (их связывали узы кровного родства и защита

семейных интересов). И больше, казалось, ничто и никто его не касается. Пустота. Пропать. «И мне до него не дотянуться, — думала Конни. — Ухватиться не за что. Ведь он отвергает любое общение».

На самом же деле Клиффорд не мог обойтись без жены. Ни единой минуты. Рослый, сильный мужчина, а совершенно беспомощен. Разве что передвигаться по дому да ездить по парку он умел сам. Но, оставаясь наедине с собой, он чувствовал себя ненужным и потерянным. Конни постоянно должна быть рядом, она возвращала ему уверенность, что он еще жив.

Бок о бок с неуверенностью в Клиффорде уживалось честолюбие. Он принялся писать рассказы: удивительные, глубоко личные воспоминания о бывших знакомых. Получалось умно, иронично, но — вот загадка! — не угадывался авторский замысел. Клиффорду не отказать в чрезвычайной и своеобразной наблюдательности. Но его героям не хватало жизни, связи друг с другом. Действие разворачивалось словно в пустоте. А поскольку сегодняшняя жизнь — в основном ярко освещенные театральные подмостки, то рассказы Клиффорда удивительнейшим образом оказались созвучны современной жизни, точнее, душевному ладу современного человека.

Клиффорд прямо-таки с болезненной чуткостью внимал отзывам. Ему непременно хотелось, чтобы рассказы нравились, считались великолепными, непревзойденными. Напечатали их самые передовые журналы. Как водится, кое-что критика похвалила, кое-что — пожурила. Журьба для Клиффорда хуже пытки, каждое слово — нож острый. Похоже, в рассказы он вкладывал всю душу.

Конни помогала чем могла. Сперва работа волновала. Муж обсуждал с ней каждую мелочь дотошно и обстоятельно, а ей приходилось напрягать все силы и тела, и души,

и женского своего естества — собирать их воедино, увязывать в композиции рассказа. Это и волновало, и увлекало Конни.

Иных, кроме духовных, забот у них не было. Хотя на Конни вроде бы лежало все домашнее хозяйство... но и им занималась экономка, долгие годы прослужившая еще при сэре Джеффри. Высохшая, безупречных манер и поведения... такую горничной даже назвать-то неудобно. Ведь она в доме уже сорок лет! Да и сами служанки долгие-долгие годы при усадьбе. Ужас! Уклад усадебной жизни неколебим. Лучше и не трогать. Пусть себе стоят многочисленные комнаты (куда хозяева уж не заглядывают), и пусть наводят там столь привычную и столь же бессмысленную чистоту и порядок — так заведено в этих краях. Клиффорд, правда, вытребовал себе новую повариху, эта искусная стряпуха готовила ему еще в Лондоне. А в остальном в доме царила особая анархия, бездушная и механистичная. Все совершалось в определенной последовательности, все было расписано по минутам. Честность слуги блюли не менее строго, чем чистоту. И все же за таким бездумно-бездушным распорядком виделась Конни анархия. Ибо только теплом и лаской можно связать воедино и наполнить смыслом все эти ритуалы. А пока что дом жил уныло и безотрадно, словно забытая улица.

Могла ли Конни что-либо изменить? Нет, пожалуй, лучше ничего не трогать. Так она и поступила. Изредка навещалась сестра Клиффорда; на ее худощавом породистом лице всякий раз запечатлевалось нескрываемое ликование: в доме все по-прежнему! Нет, вовек она не простит Конни, ведь та порушила ее духовный союз с братом. Эмма первой привозила и только что вышедшие в свет рассказы Клиффорда. Несомненно, это новое слово в литературе, и принадлежит оно роду Чаттерли — единственное мерило ценности для Эммы. Все мыслители и писатели прошлого

не в счет. Ценится в мире только новое, а новое — это книги Чаттерли, столь доверительные и интимные.

Заезжал в Рагби и отец Конни. Разговаривая с дочерью с глазу на глаз, он так отозвался о рассказах Клиффорда: «Пишет умно, да только копнешь, а внутри пусто. Бабочки-однодневки его рассказы!» Конни глядела на отца — дородного шотландского дворянина, обратившего всю жизнь лишь себе на пользу, — и ее большие, еще по-детски изумленные голубые глаза затуманивались. «Внутри пусто!» Что он хотел сказать? Что значит «пусто»? Ведь критики расхваливают Клиффорда, он уже стал известным, книги его стали доходными. Так что же хотел сказать отец, назвав мужнины рассказы «пустыми»? Какой содержательности им не хватает?

Конни, как и все молодые, считала: все самое-самое происходит сию минуту. А минуты, увы, быстротечны, и они подчас не являют непрерывную цепочку.

На второй год в Рагби, зимой, отец спросил у нее:

— Надеюсь, Конни, ты не поплывешь по течению и не останешься *demi-vierge*¹?

— *Demi-vierge*? — нерешительно переспросила та. — А почему бы, собственно, и нет?

— Да ради бога, если тебя такое положение устраивает, — спешно пошел на попятный отец.

А оставшись наедине с Клиффордом, сказал по сути то же самое.

— По-моему, Конни не очень-то на пользу быть *demi-vierge*.

— То есть и не женщиной, и не девушкой? — уточнил Клиффорд, переведя с французского.

Ненадолго он задумался, густо покраснел, — упрек задел за живое.

¹ Девушка легкого поведения (*фр.*).

— И в каком же смысле ей это не на пользу? — сухо спросил он.

— Ну, она с лица и с тела спала, одни мослы торчат. Ее это отнюдь не красит. Воблой сушеной она отродясь не была, всегда ладненькая, круглобокая, как форель у нас в Шотландии.

— Одним словом, со всех сторон хороша, — подхватил Клиффорд.

Потом он хотел поговорить с Конни о ее двойственном положении... каково ей оставаться девушкой при живом муже. Но так и не набрался храбрости. Близкое, доверительное отношение к супруге порой словно натыкалось на преграду. Душой и мыслями они были едины, телом — просто не существовали друг для друга и избегали любого напоминания об этом, боялись, как преступники — улики.

Впрочем, Конни догадалась, что у отца был какой-то разговор с Клиффордом и чем-то Клиффорд крепко озабочен. Она знала, что его не беспокоит — *demi-vierge* она или *demi-monde*¹ — лишь бы сам он ничего не ведал и никто б не указал. Чего глаз не видит, о том душа не болит.

Почти два года жили в Рагби Конни и Клиффорд, и тусклую жизнь их целиком поглощала Клиффордова работа. В этом интересы супругов никогда не расходились. Они обсуждали каждый поворот сюжета, спорили, в муках рождая рассказ, и обоим казалось, что их герои и впрямь живут, дышат... но в безвоздушном пространстве.

Так же в пустоте протекала и жизнь супругов. Остального просто не существовало. Усадьба, слуги — все казалось бесплотным и ненастоящим. Конни ходила гулять и в парк, и в лес сразу за парком: лес дарил ей уединение и тайну. Осенью она ворошила палую листву, весной —

¹ Дама полусвета (*фр.*).

собирала первоцветы. Словно один бесконечный сон, похожий на жизнь. Порой она видела себя будто в зеркале: вот она, Конни, ворошит листву, а вот женщина (она напоминает героиню какого-то рассказа) собирает первоцветы. И цветы — лишь тени воспоминаний, отзвуки чьих-то слов. И она сама, и все вокруг бесплотны. И некому протянуть руку, не с кем перемолвиться словом. Все, что у нее есть, — это жизнь с Клиффордом, плетение нескончаемых словесных кружев с тончайшим орнаментом подсознательного, хотя и говорит ее отец, что рассказы пустые, «бабочки-однодневки». А почему, собственно, должны они полниться чем-то? Почему должны жить вечно? Довольно для *каждого* дня своей заботы¹, как довольно для каждого мига не правдивого изображения, а правдивой иллюзии.

У Клиффорда водились друзья, вернее сказать, — знакомцы. Иногда он приглашал их в Рагби. Люд бывал самый разный: и критики, и писатели, но каждый усердно подпевал в хоре славословий хозяйским рассказам. Им льстило приглашение в Рагби, вот они и старались. Конни все это отлично понимала, но не противилась. Подумаешь — мелькают в зеркале тени. Ну и что из того?

Она радушно принимала гостей, в основном мужчин. Она радушно принимала и редких мужниных родичей-дворян. И те и другие, видя милую румяную, голубоглазую простушку с тихим голосом (чуть ли не конопатую!), полагали ее несовременной — сегодня такие крутые, вальяжные бедра не в почете. Сегодня и впрямь в моде «воблы сушеные», девушки с мальчишескими фигурами, плоскогрудые и узкобедрые. А Конни слишком уж женственная для современной красавицы.

¹ Евангелие от Матфея, 6: 34.

Разумеется, гости — мужчины, в основном немолодые, — относились к ней раскрепасно. Она же, зная, как уязвит Клиффорда даже малейший намек на флирт, не принимала никаких знаков внимания. Держалась спокойно и чуть отстраненно, намеренно отгораживаясь от какого-либо общения. Клиффорд в такие минуты гордился собою несказанно.

И родные его в общем-то привечали Конни. Возможно, потому, что не боялись ее. Но раз не боялись, значит, и не уважали. И с родней мужа у Конни не складывалось никаких отношений. Пусть говорят ей любезности, пусть едва скрывают снисходительное высокомерие, опасаться ее не стоит, так что острый булат их злословия может почивать в ножнах. Ведь Конни, по сути дела, отстояла от них далеко-далеко.

Время шло, что-то происходило вокруг, но для Конни ничего не менялось, она так замечательно самоустранилась от всего окружающего мира. Жили они с Клиффордом среди литературных замыслов. Скучать Конни не доводилось, в доме почти всегда были гости. Тик-так, тик-так, тикали дни и недели, только они явно спешили...

ГЛАВА 3

Конни стала замечать, как в душе все растет и растет беспокойство, оно заполняло пустоту, завладевало ее разумом и телом. Вдруг вопреки желанию начинали дергаться руки и ноги. Или, словно током, било в спину, и Конни вытягивалась в струнку, хотя ей хотелось развалиться в кресле. Или начинало щекотать где-то во чреве, и нет никакого спасения, разве что прыгнуть в реку или озеро и уплыть от щекотливой дрожи прочь. Наваждение! Или вдруг отчаянно заколотится сердце — ни с того ни с сего. Конни еще больше похудела и осунулась.

Наваждение! Вдруг вскочит и бросится по парку — прочь от Клиффорда, — упадет ничком в зарослях папоротника. Только бы подальше от дома, подальше ото всех. В лесу обретала она и приют и уединение.

Впрочем, приют ли? Ведь и с ним ничто ее не связывало, — скорее, в лесу ей удавалось спрятаться от всех и вся. А к истинной душе леса, если вообще о ней уместно говорить, Конни так и не прикоснулась.

Она смутно чувствовала: в ней зреет какой-то разлад. Она смутно понимала: жизнь, люди — точно за стеклянной стеной. Не проникают сквозь нее живительные силы! Рядом лишь Клиффорд и его книги — бесплотные миражи, то есть пустота. Куда ни кинь — лишь пустота. Конни это чувствовала и понимала, но смутно.

Что же делать? Стену лбом не прошибешь. Снова намекал отец:

— А что б тебе ухажера завести, а? Познала б все радости жизни.

В ту зиму на несколько дней в Рагби заезжал Микаэлис, молодой ирландец-драматург, сколотивший состояние в Америке. Некогда его с восторгом принимали в лучших домах Лондона. Как же! Ведь его пьесы — о них, аристократах. Со временем в лучших домах поняли, что их просто-напросто высмеял дублинский мальчишка из самых что ни на есть низов общества. И его возненавидели. В разговоре его имя стало олицетворять хамство и ограниченность. Вдруг выяснилось, что настроения у него — антианглийские. Для некогда поднявших его на щит аристократов это было самым страшным преступлением. И так, высшее общество морально казнило Микаэлиса и выбросило труп на помойку.

Сам же драматург преспокойно жил в престижнейшем районе Лондона, одевался как истинный джентльмен

(не запретишь ведь лучшим портным шить и для подонков, если те хорошо платят).

Приглашение от Клиффорда Микаэлис получил в самый неблагоприятный момент за все тридцать лет жизни. Причем Клиффорд послал приглашение не колеблясь! В ту пору к мнению Микаэлиса прислушивались еще миллионы людей. В лихую для себя минуту он, несомненно, будет рад-радешенек погостить в Рагби, ведь для него закрыты все остальные «приличные» дома. И уж конечно, он потом отблагодарит Клиффорда, вернувшись в Америку. Деньги! Слава! И то и другое — что пожелаешь — придет, если о тебе в нужную минуту, в нужном месте замолвят словечко, особенно там, за океаном. Молодой, подающий надежды писатель вдруг обнаружил огромную, совершенно подосознательную и глубоко коренящуюся тягу к известности. В конце концов Микаэлис поступил очень великодушно: вывел Клиффорда в очередной своей пьесе, тем самым прославив. Не сразу сообразил Клиффорд, что драматург высмеял и его.

Конни не понимала, откуда у мужа такое слепое, подсознательное стремление прославиться. Важнее ничего не существовало. Зачем ему слава в этом безалаберном мире, которого он толком не знал и боялся, не ожидая добра. В этом мире его, однако, почитали писателем, причем писателем первоклассным и весьма современным. Конни вспомнила слова своего удачливого, грубого и простодушного отца: кто к искусству причастен, непременно должен себя в лучшем виде представить, да еще и все «прелести» напоказ выставить. Но сам отец, как и его друзья-художники, поторговывавшие своими холстами, довольствовался доступной рекламой. Клиффорд же изыскивал все новые, неочевидные способы — только чтоб о нем узнали. Он принимал в Рагби самых разных людей и ни перед

одним, в общем-то, не пресмыкался. Но уж если вознамерился воздвигнуть в одночасье памятник своему писательскому таланту, не погнушаешься и за малым камешком нагнуться.

Микаэлис не заставил себя ждать, приехал на красивой машине, с шофером, и слугой. Джентльмен с головы до пят! У Клиффорда, привыкшего не к столичному лоску, а к простой деревенской жизни, шевельнулось в душе неприятное чувство. Что-то притворное, нет, пожалуй, даже лживое угадывалось во внешности гостя. Под холеной личиной скрывалась совсем иная суть. Клиффорду этого было достаточно, — выводы он делал категорично. Тем не менее к гостю отнесся очень уважительно. И тот был просто очарован. Подле него, тишайше-нижайше ироничнейшего, виляла хвостом, то рыча, то ощериваясь, Удача. И благоговеющему Клиффорду так захотелось почесать ей за ухом, подружиться, — вот только, не ровен час, укусит.

Как ни обряжали, ни обували, ни холили Микаэлиса моднейшие лондонские портные, башмачники, шляпники, цирюльники, на англичанина он решительно не походил. Совершенно не походил! Не то лицо — бледное, вялое и печальное. Не та печаль — не подобающая истинному джентльмену. Читалась на этом лице помимо печали еще и озлобленность. А ведь и слепому ясно, что истинный, рожденный и возвращенный в Англии джентльмен сочтет ниже своего достоинства выказывать подобные чувства. Бедняге Микаэлису досталось изрядно пинков и тычков, поэтому вид у него был чуть затравленный. Он выбился «в люди» благодаря безошибочному чутью и поразительному бесстыдству в пьесах, завоевавших теперь подмостки. Публика валила валом. Казалось, все пинки и тычки — в прошлом... Увы, так только казалось. Никогда им не суждено кончиться. Микаэлис зачастую сам лез на рожон.

Тянулся к высшему обществу, где ему совсем не место. Ах, с каким удовольствием английские светские львы и львицы набрасывались на драматурга! И как люто он их ненавидел!

Тем не менее этот выходец из дублинской черни ездил с собственным шофером и со слугой!

А Конни в нем даже что-то понравилось. Он не заносился, прекрасно сознавая свое положение. С Клиффордом беседовал толково, немногословно и обо всем, что того интересовало. Говорил сдержанно, не увлекался, понимал, что пригласили его в Рагби, поскольку заинтересованы в нем. И как многоопытный и прозорливый, но в данном случае почти бескорыстный делец, если не сказать — воротила, он любезно выслушивал вопросы и, не тратясь душой, спокойно отвечал.

— Что деньги? — говорил он. — Страсть к деньгам у человека в крови. Это свойство человеческой природы, и от вас ничего не зависит. И страсть эта — не единичный приступ, а болезнь всего вашего существа, долгая и изнурительная. Вы начали делать деньги, и уже не остановиться. Впрочем, у каждого свой предел.

— Но важно начать, — вставил Клиффорд.

— Безусловно! Пока не «заразились», ничего у вас не выйдет. А как на эту дорожку встанете, так все — вас понесет по течению.

— А могли бы вы зарабатывать иначе, не пьесами? — полюбопытствовал Клиффорд.

— Скорее всего, нет. Плох ли или хорош, но я писатель, драматург, это мое призвание. Поэтому ответ однозначен.

— И что же, ваше призвание — быть именно популярным драматургом? — спросила Конни.

— Вот именно! — мгновенно повернувшись к ней, ответил Микаэлис. — Но эта популярность — мираж, и только. Мираж и сама публика, если на то пошло. И мои пьесы —

тоже мираж, в них нет ничего особенного. Дело в другом. Как с погодой: какой суждено быть, такая и установится.

В глазах у него таилось бездонное, безнадежное разочарование. Вот он медленно поднял взгляд на Конни, и она вздрогнула. Микаэлис вдруг представился ей очень старым, безмерно старым; в нем будто запечатлелись пласты разных эпох и поколений, пласты разочарования. И в то же время он походил на обездоленного ребенка. Да, в каком-то смысле он изгой. Но чувствовалась в нем и отчаянная храбрость — как у загнанной в угол крысы.

— И все же за свою жизнь вы сделали очень и очень много, — задумчиво произнес Клиффорд.

— Мне уже тридцать... да, тридцать! — воскликнул Микаэлис и вдруг, непонятно почему, глухо рассмеялся. Слышались в его смехе и торжество и горечь.

— Вы одиноки? — спросила Конни.

— То есть? Живу ли я один? У меня есть слуга, грек, как он утверждает, и совершенный недотепа. Но я к нему привык. Собираюсь жениться. Да, жениться необходимо!

— Вы словно об удалении гланд говорите! — улыбнулась Конни. — Неужто жениться так тягостно?

Микаэлис восхищенно взглянул на нее.

— Вы угадали, леди Чаттерли! Выбор — страшное бремя! Простите, но меня не привлекают ни англичанки, ни даже ирландки.

— Возьмите в жены американку, — посоветовал Клиффорд.

— Американку! — глухо рассмеялся Микаэлис. — Нет уж, я попросил слугу, чтобы он мне турчанку нашел или какую-нибудь женщину с Востока.

Конни надивиться не могла на это дитя сногшибательной удачи: такой необычный, такой задумчивый и печальный... Поговаривали, что только постановки в Америке

Літературно-художнє видання
Серія «Шедеври світової класики»

ЛОУРЕНС Девід Герберт
Коханець леді Чаттерлі
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Ю. В. Леонтієва*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. С. Семенова*

Підписано до друку 07.08.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 21,84. Наклад 4500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание
Серия «Шедевры мировой классики»

ЛОУРЕНС Дэвид Герберт
Любовник леди Чаттерли

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Ю. В. Леонтиева*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. С. Семенова*

Подписано в печать 07.08.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 21,84. Тираж 4500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Девид Герберт Лоуренс — один з найвідоміших англійських письменників. Його романи й сьогодні дуже популярні в Європі. «Коханець леді Чаттерлі» визнаний кращим твором Лоуренса. Цей твір став класикою англійської літератури ХХ століття і приніс авторові приголомшливий успіх. Перш ніж роман отримав всесвітнє визнання, він був заборонений протягом понад 30 років, тому що його сюжет став викликом суспільству і моральності. Лише в 1960 році «Коханець леді Чаттерлі» був реабілітований і повністю відновлений у правах.

Констанція Чаттерлі вродлива й молода. Вона схожа на ніжну ранкову зорю. Але краса не принесла щастя. Її чоловік повернувся з війни інвалідом і тепер приречений на болісне існування. Жінка змагає без любові та ласки, її серце і тіло жадають палких почуттів. Випадкова зустріч Констанції з егерем її чоловіка відкриває перед нею двері у світ пристрасті та насолоди. Між таємними коханцями зав'язується роман. Але згодом Констанція розуміє, що до грубого егеря її вабить не тільки плотське бажання. Вона по-справжньому закохалася в цього чоловіка. Але хіба можуть бути разом простий лісник і благородна леді?..

Лоуренс Д. Г.

Л81 Любовник леди Чаттерли / Дэвид Г. Лоуренс ; пер. с англ. И. Багрова, М. Литвиновой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 416 с. — (Серия «Шедевры мировой классики», ISBN 978-617-12-4211-1).

ISBN 978-617-12-4682-9

Дэвид Герберт Лоуренс — один из наиболее читаемых английских писателей. Его романы и по сей день пользуются огромной популярностью в Европе. «Любовник леди Чаттерли» признан лучшим произведением Лоуренса. Это произведение стало классической англоязычной литературы ХХ века и принесло автору ошеломительный успех. До всемирного признания роман был запрещен на протяжении более 30 лет, потому что его сюжет стал вызовом обществу и нравственности. Лишь в 1960 году «Любовник леди Чаттерли» был реабилитирован и полностью восстановлен в правах.

Констанция Чаттерли красива и молода. Она похожа на нежную утреннюю зарю. Но красота не принесла счастья. Ее муж вернулся с войны инвалидом и теперь обречен на мучительное существование. Женщина изнывает без любви и ласки, ее сердце и тело жаждут пылких чувств. Случайная встреча Констанции с егерем ее мужа открывает перед ней дверь в мир страсти и наслаждения. Между тайными любовниками завязывается роман. Но со временем Констанция понимает, что к грубому егерю ее влечет не только плотское желание. Она по-настоящему влюбилась в этого мужчину. Но разве могут быть вместе простой лесник и благородная ледя?..

УДК 821.111